

Народный хилиазм получил здесь весьма большое распространение, и христианские бедняцкие массы с нетерпением ожидали ниспровержения Рима и наступления тысячелетнего царства Христа. По словам Ипполита, епископа римского, пропаганда близкого пришествия Христа в начале III в. до такой степени волновала простой народ, что люди прекращали обрабатывать свои земли, оставляли свои поля и хозяйства, а некоторые уничтожали или продавали свое имущество в ожидании великих перемен.¹ Конечно, церковные верхи, все более сраставшиеся с римскими порядками, преследовали народный хилиазм, объявляя его ересью. Они боролись против „революционно-демократического духа“ народных масс, ориентируя их не на земной, а на потусторонний мир. Жгучий для масс вопрос о ниспровержении Рима и наступлении новой, лучшей жизни бюрократизирующиеся церковные верхи спешили перенести в сферу чисто религиозно-мистических представлений и „мировую катастрофу“ отодвинуть далеко в глубь времени, поренося новое царство Христа на небеса.

С этой именно целью написал свое сочинение об антихристе римский епископ Ипполит во время гонений на христиан императора Септимия Севера.² Как он сам говорит, он написал это сочинение, чтобы доказать, что конца мира еще нельзя ожидать, ибо „люди верили и проповедовали, что скоро варвары положат конец этому миру“.³ „Подобное ощущение столь близкой большой катастрофы, — писал он, — было так сильно во всех сердцах, что я не мог удержаться, чтобы не высказать своего мнения об этом“.⁴ И хотя Ипполит по старой христианской традиции образ антихриста переносит на Римскую империю и произносит довольно резкие суждения о ней,⁵ он в то же время категорически отвергает народный хилиазм, народные ожидания близкого ниспровержения Рима, считая их глупыми и несовместимыми с христианскими взглядами. Однако массы слабо понимали ортодоксальный церковный хилиазм и вкладывали в это учение земной, революционный смысл. Народные массы видели ясно, что эти вторгавшиеся на их землю племена, привыкшие к свободной жизни, шли против тех, кто их безмерно угнетал, и потому с ними связывали свои надежды на близкое наступление новых времен. И в момент вторжения готов в провинцию Понт толпы христиан-бедняков были убеждены в том, что наступил, наконец, час царства божьего на земле, грозный час мщенья нечестивцам и долгожданный день торжества праведных людей. Восставшие понтийские христиане объединились с „варварами“ или, как выражается Григорий Тавматург, „сопричислились“ к ним, „сами сделались боранами и готами для других“.⁶

Григорий отмечает, что восставшие массы совместно с „варварами“ нападали на владения богатых лиц, вторгались в дома, убивали крупных собственников, расхищали имущество, разбирали и делили между собой брошенное на произвол судьбы добро бежавших лиц; укрывавшихся или

¹ Hippolyt. Comment. in Dan., IV, 19, ed. Achelis.

² „Περὶ τοῦ σωτήρος ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ καὶ περὶ τοῦ ἀντιχριστοῦ,“ ed. Achelis, v. I, стр. 3—47. Русск. перев.: Ипполит, еп. римский. Творения, изд. Казанск. дух. акад., вып. 1, Казань, 1848. Ср.: K. Neumann. Hippolytus von Rom in seiner Stellung zu Staat und Welt. Leipzig, 1902.

³ C. Bunsen. Hippolytus und seine Zeit, II. Leipzig, 1853, стр. 299.

⁴ Там же, стр. 299.

⁵ Hippolyt. Ant., 28, стр. 19, 10: *κνημαὶ σιδηραῖ, θηρίων φοβερόν καὶ ἔχθραμβόν Ῥωμαῖος αἱ νῦν κρατοῦστές*.

⁶ Epist. can., VII: „περὶ ἐγκαταλεθθέντων τοῖς βαρβάροις“, can. V: αὐτοὶ ἄλλοις Βοράδοι καὶ Γότθοι γίνονται (MPG 10 стр. 1040, 1037).